
ПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 347

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(3).103-122

ОСВОБОЖДЕНИЕ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ОТ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЯТЬ ИНФОРМАЦИЮ АКЦИОНЕРУ*

А.В. Габов^{1,2}

¹ Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
07 июля 2020 г.

Дата принятия в печать –
20 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения –
01 октября 2020 г.

Ключевые слова

Корпорация, хозяйственное общество, акционерное общество, права акционера, информация, раскрытие информации, предоставление информации, санкции

Предмет исследования. Анализируются вопросы, возникающие в связи с реализацией права акционеров на получение информации. Акцент делается на вопросах освобождения акционерного общества от предоставления информации. Последовательно анализируется развитие института предоставления акционерам информации акционерными обществами; показываются основные тренды в развитии этого института: постепенное сужение возможности акционеров реализовать свое право на получение информации через предоставление информации через такие средства, как ограничение, дифференциация и освобождение от предоставления информации. Специальный акцент делается на институте освобождения от предоставления информации.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основании анализа законодательства и доктрины показать основные недостатки существующей модели освобождения акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционерам и сформулировать направления развития законодательства. Основная **научная гипотеза** автора может быть сформулирована следующим образом. В Законе об акционерных обществах был заложен изначальный дефект в части описания информационного обмена между акционером и акционерным обществом. Право акционера на информацию не было описано, по существу, оно было «встроено» в обязанность акционерного общества предоставить информацию. Этот дефект при последующих изменениях законодательства в части обязанности акционерного общества предоставить информацию (которые свелись к сужению прав акционера, практически лишению миноритарного акционера права на информацию) привел к тому, что при реализации акционерным обществом своего права на освобождение от предоставления информации возникает значительная правовая неопределенность. Данная неопределенность должна быть устранена, поскольку цели регулирования при предоставлении акционерным обществам освобождения от обязанности предоставлять акционерам информацию, установленные в ст. 92.2 Закона об акционерных обществах (противодействие санкционному давлению), абсолютно правильны. При этом часть оснований для освобождения от обязанности предоставления акционерам информации (ст. 92.1 Закона об акционерных обществах) либо должны быть исключены, либо переформулированы. Автор отмечает полный «разрыв» текущего регулирования с идеями об информационном обмене между акционером и акционерным обществом, заложенными при создании Закона об акционерных обществах. Учет в Законе об акционерных обществах санкций как фактора, влияющего на исполнение акционерным обществом его обязанности предоставить информацию акционерам, следует полностью приветствовать. Однако юридико-техническое оформление соответствующей политико-правовой идеи нельзя признать оптимальным. В этой части законодательство требует полной реновации на основе принципа баланса конституционных ценностей и интересов государства, мажоритарных и миноритарных акционеров. **Описание методов и методологии иссле-**

* Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № FZWG-2020-0008 «Национальные интересы: особенности правовой институционализации и механизм обеспечения реализации в современной России»).

дования. В основу исследования положен системный анализ, а также использование разработанных в доктрине способов толкования нормативных актов и судебной практики. **Информация об основных научных результатах.** Показано развитие законодательства об акционерных обществах в части предоставления информации; сделан вывод о том, что это развитие привело к значительному ограничению возможностей акционеров на получение информации. Показано, что при учете санкций при регулировании обязанности акционерного общества предоставить информацию, цели законодательного регулирования полностью соответствуют конституционным принципам, однако конкретные правовые решения нельзя признать оптимальными. **Выводы.** Сформулирован приоритет целей регулирования при противодействии санкционному давлению; определены конкретные направления совершенствованию правового регулирования предоставления информации акционерам.

EXEMPTION OF A JOINT STOCK COMPANY FROM THE OBLIGATION TO PROVIDE INFORMATION TO A SHAREHOLDER*

Andrey V. Gabov^{1,2}

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Article info

Received –
2020 July 07
Accepted –
2020 August 20
Available online –
2020 October 01

Keywords

Corporation, business company, joint stock company, shareholder rights, information, disclosure of information, provision of information, sanctions

The subject of research. Issues concerning the exercise of the right of shareholders to receive information are analyzed. The focus is on the issues of exemption of a joint-stock company from providing information. The development of the institute of the information provision to shareholders by joint stock companies are consistently analyzed. The main trends in the development of this institute are shown: gradually narrowing the ability of shareholders to exercise their right to receive information through such means as restriction, differentiation and exemption from providing information. Special emphasis is placed on the institute of exemption from providing information.

The purpose of the article is to show the main drawbacks of the existing model of exemption of a joint-stock company from the obligation to provide information to shareholders and to formulate directions for the development of legislation. **The author's main scientific hypothesis** can be summarized as follows. The Federal law «On joint-stock companies» contained an initial defect in the description of information exchange between a shareholder and a joint-stock company. The shareholder's right to information was not described, in fact, it was «embedded» in the obligation of the joint-stock company to provide information. The subsequent changes to the law resulted in a narrowing of the rights of the shareholder, practically depriving the minority shareholder of the right to information. This defect has led to significant legal uncertainty when the joint-stock company exercises its right to be exempt from providing information. This uncertainty should be eliminated, because the regulatory goals for granting joint-stock companies an exemption from the obligation to provide information to shareholders (article 92.2 of the Federal law «On joint-stock companies» that counters sanctions pressure) are absolutely correct. At the same time, some of the grounds for exemption from the obligation to provide information to shareholders (article 92.1 of the Federal law «On joint-stock companies») must either be excluded or reformulated. The author notes the complete «break» between the current regulation and the ideas about information exchange between a shareholder and a joint-stock company, that initially inspired the creation of the law on joint-stock companies. The inclusion of sanctions in the law on joint - stock companies as a factor affecting the performance by a joint-stock company of its obligation to provide information to shareholders should be fully welcomed. However, the legal and technical design of the corresponding political and legal idea cannot be considered optimal. In this part, the legislation requires a

* The preparation of the article is funded by the state task of Ministry of Science and Higher Education of Russia (project No. FZWG-2020-0008 "National interests: peculiarities of the legal institutionalization and mechanism to ensure their implementation in present-day Russia").

complete renovation based on the principle of balancing constitutional values and the interests of the state, majority and minority shareholders.

Description of research methodology. The research is based on a systematic analysis, as well as the interpretation of Russian legislation and doctrine.

Information about the main scientific results. The development of legislation on joint-stock companies in terms of providing information is shown. It is shown that if legislator taking into account sanctions when regulating the obligation of a joint-stock company to provide information, the goals of legislative regulation fully comply with constitutional principles, but specific legal decisions cannot be considered optimal. **Conclusions.** It is concluded that development of legislation on joint-stock companies has led to a significant restriction of the ability of shareholders to receive information. The author formulated the priority of regulatory goals in countering sanctions pressure and offered specific directions for improving legal regulation.

1. Введение

Понятие «предоставление информации» – очень многозначно; оно используется в большом количестве различных нормативных актов для целей регулирования информационного обмена между различными лицами (органами). Самое общее его определение дается в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которой «предоставление информации» (далее – Закон об информации) – это «действия, направленные на получение информации *определенным кругом лиц* или передачу информации *определенному кругу лиц*». В указанном законе «предоставление информации» – это антипод ее распространения, которое понимается как «действия, направленные на получение информации *неопределенным кругом лиц* или передачу информации *неопределенному кругу лиц*» (ст. 2 Закона об информации). Отметим, что такое регулирование существует в нашем законодательстве с 2006 г.; действовавший до этого Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» подобного разделения не устанавливал, хотя понятием «предоставление информации» оперировал.

При оценке упомянутых положений Закона об информации надо учитывать, что к моменту его появления в отдельных отраслях законодательства:

– сложился собственный терминологический аппарат, опосредующий квалификацию действий лица, направленных на передачу информации заранее неопределенному / определенному кругу лиц (и эта тер-

минология не просто «пережила» принятие Закона об информации, но продолжает активно использоваться в соответствующих отраслях законодательства, а также «проникает» в иные (новые) его отрасли),

– сложилось собственное понимание того, что понимается под «предоставлением информации».

К числу таких отраслей относится законодательство об акционерных обществах. В нем, понятие «предоставление информации» встречается, хотя и в очень ограниченном виде, для регулирования информационного обмена между акционерным обществом и акционером, уже в документах начала 1990-х гг.¹ С середины 1990-х гг. это понятие также начинает использоваться в законодательстве о рынке ценных бумаг (Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг)), наряду с понятием «раскрытие информации». Позднее (Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»») понятие «раскрытие информации» найдет закрепление и в Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах). Таким образом, как в законодательстве об акционерных обществах, так и в законодательстве о рынке ценных бумаг сложился свой (общий) терминологический аппарат для квалификации действий по направлению информации для определенного / неопределенного круга лиц – предоставление / раскрытие информации.

Между этими институтами (предоставлением и раскрытием) есть существенная разница. Она осно-

¹ См.: п. 129 Положение об акционерных обществах, утвержденное постановлением Совмина РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601.

вана на круге интересов, для реализации которых они существуют. Уяснение этой разницы важно, поскольку в целом ряде исследований при анализе права акционера на получение информации предлагается учитывать и обязанности акционерного общества по раскрытию информации [1, с. 163; 2, с. 36; 3, с. 335; 4, с. 32–39 и др.], что с нашей точки зрения, в корне неверно. Институт предоставления информации акционерам изначально формировался как институт, обеспечивающий *частные интересы*, – интересы акционеров; «предоставление информации» – это действия указанного в законе лица, направленные на получение (обязательное или иное) определенным кругом иных лиц информации; соответственно, развитие этого института предопределил поиск баланса интересов различных участников корпоративных отношений, т. е., интересов вполне определенного круга лиц. Институт раскрытия информации [5] (в данном случае мы говорим о раскрытии информации применительно к рынку ценных бумаг, однако выводы будут сходны в основе и для других случаев) главным образом *направлен на охрану публичного интереса*, заключающегося в функционировании эффективной экономики, частью которой является финансовый (и, соответственно, фондовый рынок). Одна из целей существования этого института – минимизация информационной асимметрии различных участников рынка, чтобы принятие их решения было обусловлено исключительно экономическими факторами, а не приоритетным доступом к информации. Тем самым, выравнивается исходное положение участников рынка (т. е., речь идет об изначально неопределенном круге лиц), происходит предупреждение злоупотреблений, возникающих в связи с использованием инсайдерской информации, а также выборочное и/или субординированное предоставление информации различным субъектам, что дает отдельным из них необоснованную экономическую выгоду.

Говоря о терминологии, нельзя не отметить, что как информационное законодательство, так и законодательство о рынке ценных бумаг и законодательство об акционерных обществах используют понятие «*представление информации*»; назвать его полностью аналогичным понятию «предоставление информации» нельзя, однако отметим, что в ряде случаев они используются как синонимы.

В законодательстве об акционерных обществах есть еще одна распространенная форма взаимодействия между акционером и акционерным обществом – это «уведомление» или «сообщение», кото-

рые акционерное общество (ст. 7, 52 и др. Закона об акционерных обществах) обязано направлять акционерам в силу прямых требований закона. Отдельные исследователи полагают, что уведомление (сообщение) и предоставление информации – это разные правовые феномены, на том основании, что обязанность уведомить конкретных лиц исполняется при наступлении определенных обстоятельств вне зависимости от каких-либо действий со стороны уведомляемых лиц [6, с. 34]. С такой позицией можно согласиться лишь отчасти. Обязанность направить акционеру информацию о проведении общего собрания акционеров, равно как и направить иные уведомления, предусмотренные Законом об акционерных обществах, вытекает напрямую из норм указанного закона – он просто не требует здесь направления специального требования о получении информации. Сделано это для соблюдения интересов акционеров.

2. Предоставление информации акционеру в соответствии с законодательством об акционерных обществах

В самом общем виде институт предоставления информации акционеру – это отражение идеи о праве участия акционера в управлении акционерным обществом, из которого логично вытекает еще одно право, которое в доктрине получило название «*право на получение информации*». В некоторых работах и документах политико-правового характера может использоваться иная терминология. Так, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., встречается понятие «информационные права участников корпораций» (далее – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации).

Право на получение информации возникает у лица по отношению к определенному (конкретному) акционерному обществу после получения лицом правового статуса участника корпорации акционера [7, с. 153; 8, с. 11] – приобретения акции по различным гражданско-правовым основаниям и прекращается после утраты такого статуса [9, с. 36]. Конституционный Суд РФ в определении от 18 января 2011 г. № 8-О-П констатировал, что «*составной частью правового статуса участников акционерного общества в отношениях с акционерным обществом является право на информацию об акционерном обществе*, которое обеспечивается как Гражданским кодексом Российской Федерации..., так и ря-

дом других законов, раскрывающих содержание права на информацию в сфере предпринимательской деятельности, в том числе объем, количество и состав предоставляемой информации».

Об этом праве акционера исследователи пишут либо как о самостоятельном праве (наравне с правом на управление, дивиденды и ликвидационную стоимость), либо как о составной части какого-либо из основных прав акционера, закрепленных в определении акции данным в ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг [10, с. 162; 11, с. 123; 12, с. 73; 13, с. 323; 14, с. 43; 7, с. 391; 2, с. 34; 3, с. 334; 15, с. 97; 16, с. 84; 17, с. 418; 18, с. 13; 19, с. 83; 20, с. 59; 21, с. 22; 9, с. 32–33; 22, с. 31–38 и мн. другие работы].

После принятия ГК РФ (1994 г.) право акционера на получение информации основывалось на общих положениях о праве участников хозяйственных обществ на получение информации (ст. 67 ГК РФ²); при этом в ГК РФ специальных положений о соответствующем праве акционера установлено не было, равно как и корреспондирующих обязанностей акционерного общества. В настоящее время такая общая норма несколько изменилась – теперь перед нами общего характера право любого участника корпорации «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным документом корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией» (ст. 65.2 ГК РФ)³. Однако в целом описание права осталось схожим. И ст. 67 ГК РФ (в прежней редакции), и ст. 65.2 ГК РФ не устанавливают право на получение информации как абсолютное, причем последняя статья это еще более усилила: если ст. 67 ГК РФ указывала на порядок, который должен был быть установлен учредительными документами, то ст. 65.2 ГК РФ указывает и на случаи, а также делает отсылку к специальным законам, а не только к учредительным документам. В любом случае, ГК РФ оставлял довольно значительное поле для усмотрения самого законодателя при формулировании механизма реализации права на получение информации.

Теоретически, закон должен был закреплять в этом механизме две части – и *описание самого права*, и *описание обязанности* – предоставления информации, поскольку, как справедливо отмеча-

ется в исследованиях «обязанность по предоставлению информации... всегда корреспондирует совершенно конкретному праву на получение этой информации» [23, с. 23]; в интересующем нас случае, понятно, что праву акционера на получение информации корреспондирует обязанность акционерного общества по предоставлению информации [2, с. 34; 24, с. 107; 25, с. 10].

В нормативных актах, которые составляли законодательство об акционерных обществах в 1990-х гг. мы этого подхода не находим.

Начало 1990-х гг. – это период становления, как корпоративных отношений, так и законодательства об акционерных обществах. Если анализировать первые нормативные акты, то хорошо видно, что никакой системы идей (экономических, правовых), взглядов на то, как должно быть описано право на получение информации и обязанность по ее предоставлению не было. Первоначально, нормы, регулирующие вопросы информационного обмена между акционером и акционерным обществом были редкими, весьма общими, предельно краткими. С одной стороны, можно сказать, что какие-либо ограничения в доступе к информации для акционеров отсутствовали, с другой стороны, можно отметить, что и акционерные общества имели все возможности в таких условиях отказывать акционерам в предоставлении информации.

Этому есть понятные и рациональные объяснения. Во-первых, культура участия в корпоративных отношениях, равно как и их правового регулирования, просто отсутствовала, а наиболее близкий период, когда она была (период нэпа) никаких разработок в части специальных прав акционера на информацию не оставил [26]. Во-вторых, начало 1990-х гг. – период становления новой экономики, который, по мнению исследователей-экономистов, характеризовался «переходным типом собственности и контроля» [27, с. 80] и банальной борьбой акционеров-инсайдеров и акционеров-аутсайдеров; в такие периоды вопрос о правах акционера на информацию – это не предмет культуры управления, а предмет размена. В борьбе за корпоративный контроль – это средство борьбы за права миноритарных акционеров (и этот период как раз характеризуют временем

² В редакции ГК до принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

³ Это изменение – следствие реализации Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации.

игнорирования прав миноритариев [28, с. 44]), а когда такой контроль перехвачен – это излишний элемент, на который можно «повесить» клеймо средства корпоративного шантажа.

Ситуацию значительно усугубило проведение масштабной приватизации, в результате которой форму акционерных обществ обрели тысячи государственных предприятий; при этом в большинстве случаев с большой долей миноритарных участников (в силу специфики использованных способов приватизации). Уставы таких обществ, принимавшиеся на основе типового устава⁴, никаких положений о специфике информационного обмена между акционером и акционерным обществом не устанавливали (поскольку не устанавливал их и указанный типовый устав). О проблемности вопроса свидетельствует то, что принимались специальные нормативные акты, направленные на защиту интересов акционеров (к примеру, см.: Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1769 «О мерах по обеспечению прав акционеров»).

В этих условиях в 1995 г. был принят Закон об акционерных обществах. Его первоначальная редакция может быть охарактеризована двояко в интересующей нас части. С одной стороны, *никакого специального права на получение акционером информации об акционерном обществе в этом законе установлено не было*. По существу, само такое право было описано через институт предоставления информации, через так называемый доступ акционеров к информации (ст. 91 Закона об акционерных обществах). Именно такой законодательный прием (установление права, минуя его содержательное описание, через обязанность), как думается, надолго заложил конфликтный потенциал в отношении акционеров и акционерных обществ, послужив впоследствии для многочисленных дискуссий и изменений Закона об акционерных обществах. С другой стороны, в указанном законе вопросы информационного взаимодействия между акционерным обществом и акционером были впервые в отечественной истории проработаны довольно детально. Можно сказать, что *Закон об акционерных обществах имел абсолютно четкую направленность на обеспечение интересов акционеров*, что следует из тех комментариев к положениям этого закона, данных его разработчиками [29].

Во-первых, в Законе об акционерных обществах было закреплено общее положение о том, что

информация об акционерном обществе предоставляется обществом в соответствии с требованиями Закона об акционерных обществах и иных правовых актов Российской Федерации (ст. 90). Это положение нельзя назвать конкретным; в том виде, как оно было сформулировано, его цель можно было определить так: охватить вообще все случаи предоставления акционерным обществом информации любым лицам (органам), в том числе и акционерам. Однако как следует из комментария, который был дан исследователями, имевшими прямое отношение к разработке проекта Закона об акционерных обществах, цель просматривается иная: урегулировать информационный обмен между акционерным обществом и различными государственными органами [29, с. 512–513] (что из содержания статьи совершенно не вытекает).

Во-вторых, в Законе об акционерных обществах было закреплено общее правило о предоставлении информации собственно акционерам (ст. 91). В соответствии с п. 1 указанной статьи предоставление информации осуществлялось *в форме доступа* к документам, предусмотренным п. 1 ст. 89 Закона об акционерных обществах (за исключением документов бухгалтерского учета и протоколов заседаний коллегиального исполнительного органа общества). Согласно п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах по требованию акционера общество обязано предоставить ему за плату копии указанных документов, и иных документов общества, предусмотренных правовыми актами, за плату, которая не могла превышать стоимости расходов на изготовление копий документов и оплаты расходов, связанных с направлением документов по почте. Следует отметить, что юридическая техника этого положения была крайне несовершенна, поскольку, формально нося общий характер по названию статьи, оно, в реальности, не учитывало частные случаи предоставления информации акционерам. Любопытно, что в комментарии, который был дан исследователями, имевшими прямое отношение к разработке проекта Закона об акционерных обществах, высказано мнение о том, что ст. 91 этого закона «дополняет ст. 52, которая определяет информацию (материалы), подлежащую предоставлению акционерам при подготовке к проведению общего собрания акционеров» [29, с. 513]. С этим мнение вряд ли можно согласиться; рассматривая связь между ст. 52 и 91 Закона об акционер-

⁴ Утвержден Указом Президента РФ от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государ-

ственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества».

ных обществах, можно предположить скорее иное: именно положения ст. 52, как частный случай, должны были дополнять положения ст. 91. В реальности же *между статьями вообще не было никакой связи*; они использовали даже разные правовые средства предоставления информации.

В-третьих, в первоначальной редакции Закона об акционерных обществах имелись частные случаи предоставления акционерам информации, которые никак не были связаны с положениями ст. 89–91 Закона. В частности, такие случаи были установлены для описания подготовки к проведению общего собрания акционеров (п. 2 ст. 47, п. 4 ст. 51; ст. 52; ст. 54; п. 1 ст. 55). Говоря о частных случаях, надо сделать замечание о несовершенстве терминологии. Первоначальная редакция Закона об акционерных обществах (частично это имеет место и в настоящее время), слово «предоставление» часто заменяла иными формами.

Анализируя модель предоставления информации акционерным обществом акционерам, заложенную в первоначальной редакции Закона об акционерных обществах, нельзя не обратить внимание на то, что в ней, наряду с правом акционера требовать предоставления информации, было установлено и *ограничение получения определенной информации* («...за исключением документов бухгалтерского учета и протоколов заседаний коллегиального исполнительного органа общества»). Основанием для установления такого ограничения назывался риск гринмэйла [29, с. 513–514].

Таким образом, можно предположить, что в основе регулирования предоставления информации акционерам в Законе об акционерных обществах (его первоначальной редакции) лежала идея не только о возможности, но и целесообразности в отдельных случаях ограничения доступа акционера к информации об акционерном обществе. Идея о возможности установления ограничений на получение информации имела развитие еще в русских дореволюционных правовых исследованиях (к примеру, см.: [30, с. 444–445]), в которых делались выводы о целесообразности установления ограничения для доступа акционеров к книгам акционерного общества на основе идеи хозяйственного интереса.

Закон об акционерных обществах в его первоначальной редакции не решил всех проблем, возникших в связи с информационным обменом между акционерным обществом и акционером. И дело здесь не только в отдельных юридико-технических характерах вопросах, а в том, что *не был найден оп-*

тимальный баланс между интересами различных участников корпоративных отношений. Все последующее развитие законодательства об акционерных обществах в части развития института предоставления информации – это по большей части попытки:

- найти баланс между интересами мажоритарных и миноритарных участников и менеджмента,

- установить специальные режимы получения информации для определенных случаев (в том числе для частных случаев предоставления информации), а также –

- определить оптимальные требования к порядку запроса информации и получения запрошенной информации.

Первые изменения в Закон об акционерных обществах в части предоставления информации относятся к 2001 г. – Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» ст. 91 Закона об акционерных обществах была изложена в новой редакции. Комментируя изменения, внесенные указанным законом, следует указать, что от идеи простого ограничения доступа к определенной информации законодатель перешел к идее дифференцированного подхода доступа к определенной информации. В частности, было установлено право доступа к документам бухгалтерского учета и протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа акционеров (акционера), имеющих в совокупности не менее 25 процентов голосующих акций общества (установление такой дифференциации в последующем было признано соответствующим Конституции Российской Федерации, о чем предельно ясно высказался Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 18 июня 2004 г. № 263-О). Дифференциация произошла не только по критерию доли владения, но и по критерию государственного участия – было установлено, что в случае использования в отношении открытого общества специального права на участие Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в управлении указанным обществом («золотая акция») *такое общество обеспечивает представителям Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования доступ ко всем своим документам*.

Для всех акционеров имело значение установление этим законом: срока, в течение которого должны были быть предоставлены документы (в те-

чение семи дней со дня предъявления соответствующего требования) и формы доступа – «ознакомление в помещении исполнительного органа общества». Соответствующие элементы станут неотъемлемыми в механизме предоставления информации вплоть до настоящего времени.

Еще одно важное изменение, внесенное этим законом – в ст. 92 Закона об акционерных обществах; если ранее эта статья указывала на правила опубликования обществом определенной информации, то теперь данная статья регулировала случаи обязательного раскрытия акционерным обществом информации. По существу, тем самым Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» были четко разграничены институт предоставления информации и институт раскрытия информации.

Важным документом, в котором была сделана попытка найти баланс между интересами миноритарных и мажоритарных участников акционерного общества и его менеджментом в части предоставления информации, стало Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144. В этом документе были сформулированы случаи, когда в судебном порядке акционеру могло быть отказано в получении запрашиваемой информации, по основаниям злоупотребления правом на получение информации; в нем было сформулировано правило «*правомерного интереса*» акционера в получении информации (впоследствии трансформировавшееся в правило «деловой цели» в Законе об акционерных обществах).

Значительное развитие на состояние института предоставления информации акционерам оказала реформа гражданского законодательства в части юридических лиц 2014 года (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ).

После проведения этой реформы в нормах Закона об акционерных обществах обозначился очевидный тренд на дифференциацию предоставления информации для публичных и непубличных акционерных обществ, оформленный Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Наиболее радикальные изменения в части предоставления информации, в том числе и в развитие дифференциации режима предоставления ин-

формации публичными и непубличными обществами, связаны с принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ). Данный закон (согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона № 558976-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизмов реализации прав участников хозяйственных обществ на информацию» (который стал Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ) был направлен на реализацию поручения Президента Российской Федерации (Пр-846, п. 1г) от 2 апреля 2011 г., согласно которому Правительству Российской Федерации поручалось «внести в Государственную Думу проект федерального закона, четко и однозначно регламентирующего механизмы реализации права миноритарных акционеров на доступ к информации о деятельности публичных компаний; обеспечить совершенствование контроля и надзора в этой сфере, а также корпоративных процедур в целях реализации указанного права». Однако по содержанию изменений можно отметить, что они выходят за рамки данного поручения.

В результате принятия Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ мы видим *дальнейшее развитие идеи дифференциации доступа акционеров к информации акционерного общества в зависимости от количества акций, статуса общества (публичное/непубличное) а также законодательное оформление института деловой цели, формирование оснований для отказа в получении информации акционером.* (Оценки и комментарии изменений, внесенных этим законом, см. в следующих работах: [31, с. 52–55; 9, с. 31–40]). В качестве тенденции, которая обозначилась этим законом, любопытно отметить функциональное сближение институтов предоставления информации и раскрытия информации: законодатель склонен рассматривать второй как одну из возможных замен первого. В частности, п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах указывает в качестве одного из оснований для отказа акционеру в доступе к документам и информации то, что электронная версия запрашиваемого документа на момент предъявления акционером требования раскрыта в порядке, предусмотренном законодательством о ценных бумагах для раскрытия информации.

Анализируя общее развитие законодательства об акционерных обществах в части предоставления информации, нельзя не согласиться с образным сравнением Д.В. Ломакина – «подобно шагреновой коже, содержание права акционера на информацию сжалось до карманных размеров» [9, с. 33]. Главные «жертвы» такого подхода – миноритарные акционеры [32, с. 28–34].

В свете таких тенденций развития законодательства весьма интересно посмотреть на еще один феномен, который стал развиваться (с 2010 г.) в части предоставления информации параллельно с развитием идеи дифференциации режима предоставления акционерам информации – *институт освобождения акционерного общества от обязанности предоставлять информацию*. Освобождение от предоставления информации – одна из крайних точек в шкале возможностей получить определенную информацию, между возможностью полного доступа, ограничением информации и дифференциацией возможностей получения информации. С точки зрения конституционных норм возможность применения такого института требует специального анализа, поскольку оно означает, по существу, не что иное, как лишение акционера права на информацию (если освобождение касается всего объема информации об акционерном обществе) или его умаление (если освобождение касается части информации).

3. Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять акционеру информации: цели, случаи и проблемы реализации

Впервые упоминание об освобождении акционерного общества от обязанности предоставлять часть информации появились в Законе об акционерных обществах после принятия Федерального закона от 4 октября 2010 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 4 октября 2010 г. № 264-ФЗ)⁵. Данным законом в Закон об

акционерных обществах была введена ст. 92.1 «Освобождение от обязанности раскрывать или предоставлять информацию, предусмотренную законодательством Российской Федерации о ценных бумагах». Согласно указанной статье акционерное общество по решению общего собрания акционеров, принятому большинством в три четверти голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, вправе в соответствии с законодательством о ценных бумагах обратиться в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг (впоследствии данное указание на орган в связи с изменением структуры государственного регулирования рынка ценных бумаг было заменено на Банк России) с заявлением об освобождении его от обязанности осуществлять предоставление информации, *предусмотренной законодательством о ценных бумагах*.

При анализе этого изменения надо отметить следующее.

Новое правило об освобождении *не касалось предоставления информации акционерам в рамках самого Закона об акционерных обществах*. Данное правило касалось только и исключительно случаев предоставления информации, предусмотренных Законом о рынке ценных бумаг. Соответственно, для понимания этого правила надо учитывать изменения, внесенные Федеральным законом от 4 октября 2010 г. № 264-ФЗ в ст. 30 Закона о рынке ценных бумаг. Любопытны основания для появления указанной статьи; изучение материалов законопроектной работы⁶ показывает, что изменения вообще не должны были коснуться института предоставления информации. Анализ ст. 92.1 Закона об акционерных обществах также показывает, что она *информационного обмена между акционером и акционерным обществом не регулирует* (также см.: [33, с. 177–178]).

Соответствующее регулирование – освобождение акционерного общества от предоставления информации акционеру – появилось в Законе об акцио-

⁵ В развитие этого документа был принят приказ ФСФР России от 9 декабря 2010 г. № 10-75/пз-н «Об утверждении Порядка рассмотрения заявлений эмитентов, являющихся акционерными обществами, об освобождении их от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со статьей 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 476931-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (в части уточнения перечня сообщений о существенных фактах)», который стал Федераль-

ным законом от 4 октября 2010 г. № 264-ФЗ. Основанием для разработки проекта пояснительная записка называла п. 15 Плана мероприятий по реализации Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2006 г. № 793-р, который предполагал не более чем «внесение изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (в части уточнения перечня существенных фактов и порядка раскрытия информации о таких фактах)».

нерных обществах в 2017 г. (после изменений, внесенных Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В соответствии с этим законом в Закон об акционерных обществах была введена новая статья – 92.2 «Освобождение от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», на основании которой Правительство Российской Федерации получало право определить:

– *случаи*, в которых акционерное общество вправе не осуществлять раскрытие (предоставление) информации, касающейся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, и (или) вправе осуществлять такое раскрытие (предоставление) в ограниченных составе и (или) объеме, а также

– *лиц*, в отношении которых акционерное общество вправе не осуществлять раскрытие (предоставление) указанной информации и (или) вправе осуществлять такое раскрытие (предоставление) в ограниченных составе и (или) объеме.

Из содержания этой нормы понять ее цели и смысл невозможно. Весьма кратка по содержанию и пояснительная записка к проекту Федерального закона № 318825-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (который впоследствии стал Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 481-ФЗ). О целях нового регулирования в ней указано следующее: защита конституционного строя, прав и законных интересов граждан и юридических лиц, обеспечение обороноспособности и безопасности Российской Федерации, в том числе для обеспечения гарантированного финансового сопровождения государственных контрактов по государственному оборонному заказу и безусловного прохождения платежей по контрактам в рамках военно-технического сотрудничества. В реальности, *цель данных изменений – учет в деятельности акционерных обществ – резидентов Российской Федерации фактора санкций* [34, с. 70; 35, с. 27]. Экономические санкции в отношении России как государства, отдельных ее граждан России и юридических лиц (индивидуальные санкции), в отношении секторов экономики вводились последовательно с 2014 г., однако

вплоть до 2017 г. в нашем праве в части предоставления информации российскими юридическими лицами санкционный фактор не учитывался. Содержание вновь введенной статьи показывает, что основная задача, которую, решал законодатель, освобождая от раскрытия (предоставления) определенной информации – снятие риска расширения санкционного списка за счет российских эмитентов.

При анализе положений ст. 92.2 Закона об акционерных обществах (в ее первоначальной редакции) обращает на себя два момента:

1) установление альтернатив в выборе варианта правомерного поведения. Формулировка такой альтернативы на первый взгляд предполагала два варианта поведения: либо не предоставлять информацию вообще, либо предоставить ее в ограниченном составе и (или) объеме. Однако с точки зрения грамматического толкования, учитывая неоднократное использование двойного союза «и(или)», а также конструкции «раскрытие (предоставление)», реально альтернатив было больше около полутора десятков; при этом, конструкция статьи такова, что *право выбора варианта поведения оставлено за самим субъектом – акционерным обществом*. Нельзя не высказать критики в части того, что содержание статьи несколько не соответствовало ее названию: «освободить» – это значит предоставить возможность лицу вообще отказаться от предоставления информации, тогда как статья в реальности указывала и возможность не только освобождения, но и ограничения предоставления информации;

2) ограничение вида информации – только и исключительно о крупных сделках и (или) сделках, в совершении которых имеется заинтересованность.

В развитие данных изменений было принято постановление Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10 «Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее – постановление Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10). Данный документ (изначально он касался акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью⁷) определил два случая:

⁷ В настоящее время после изменений, внесенных постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400 «Об особенностях раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акцио-

нерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (далее – постановление Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400), данный документ распространяется исключительно на общества с ограниченной ответственностью.

– совершение сделки, связанной с выполнением государственного оборонного заказа и реализацией военно-технического сотрудничества;

– совершение сделки, заключенной с российскими юридическими лицами и физическими лицами, в отношении которых иностранными государствами, государственными объединениями и (или) союзами и (или) государственными (межгосударственными) учреждениями иностранных государств или государственных объединений и (или) союзов введены меры ограничительного характера (именно эти меры для простоты в этой статье именуется «санкциями»).

Как ст. 92.2 Закона об акционерных обществах (в ее первоначальной редакции), так и постановление Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10, принятое в ее развитие, оставляют более чем двойственное впечатление. Цели регулирования могут быть полностью одобрены – они в полной мере соответствуют идее о балансе конституционных принципов, в данном случае с приоритетом таких ценностей как суверенитет и безопасность. Однако юридико-техническая сторона вызывает множество вопросов.

Появление ст. 92.2 Закона об акционерных обществах с таким содержанием – это веха в развитии российского законодательства об акционерных обществах, которая, впрочем, осталась незаметной. Между тем, надо обратить внимание на то, что такими поправками законодатель «переставил» управомоченного и обязанного субъектов. Если ранее (при создании норм Закона об акционерных обществах) подход состоял в том, что акционер имел право на получение информации, а акционерное общество обязано ее предоставить, то идеология института освобождения (в форме полного непредоставления информации) состоит в том, что теперь акционерное общество *получило право* не предоставлять информацию, а акционер права на ее получение был по факту (но не прямо, ибо как мы помним такое право вообще не установлено Законом об акционерных обществах) *лишен*. Подчеркнем – сдвиг на самом деле фундаментальный, особенно, учитывая то, как структурировано в нашем законодательстве право акционера на получение информации.

Вызывает вопросы субъектный состав акционерных обществ, которые могли использовать институт освобождения от предоставления информации. Статья 92. Закона об акционерных обществах его вообще не устанавливала, по существу относя вопросы на подзаконное регулирование (что, с нашей точки зрения, фундаментально неверно само по

себе, поскольку на подзаконном уровне должны регулироваться не права и обязанности, а порядок их осуществления/исполнения). Среди таких вопросов был указан и вопрос о – *лицах*, в отношении которых акционерное общество вправе не осуществлять полное или частичное предоставление информации. Исходя из техники изложения нормы ст. 92.2 Закона об акционерных обществах под «лицами» понимались третьи, по отношению к акционерному обществу, предоставляющему информацию, лица.

«Случаи», описанные в постановлении Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10, в части описания субъектов не отличаются ясностью. К примеру, для описания первого «случая» был использован оборот «совершение сделки, связанной...», однако в чем эта связь может проявляться – указано не было, тогда как «связать» сделку с выполнением «выполнением государственного оборонного заказа и реализацией военно-технического сотрудничества» можно очень многими способами. Перечень «лиц» в данном документе отсутствовал, по существу, можно было сказать, что под ними можно было понимать всех лиц, которые упоминались при описании «случаев».

Что можно констатировать в части субъектов однозначно, так это то, что ст. 92.2 Закона об акционерных обществах в том значении, как «случаи», в ней указанные, были описаны в постановлении Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10, предоставляла указанные в ней права (освобождения от предоставления информации) *как акционерным обществам, попавшим под санкции, так и акционерным обществам, которые не находятся под санкциями и даже не находятся под угрозой их введения*. В принципе такой подход приемлем для акционерных обществ, осуществляющих деятельность в сфере оборонно-промышленного комплекса, однако в таком случае и описание должно было быть иным.

В связи с действием новых норм и, учитывая то, как регулирование предоставления информации структурировано в Законе об акционерных обществах возникал вопрос: *на какие реально случаи* распространялось право акционерного общества – эмитента, предусмотренное ст. 92.2 Закона об акционерных обществах? Этот вопрос можно сформулировать несколько иначе (конкретизировать): *охватывают ли новое регулирование предоставление информации акционерам, которая должна быть предоставлена при подготовке к проведению общего собрания акционеров, в повестку дня которого включен вопрос об одобрении крупной сделки или сделки, в совершении которой имеется заинтересованность?*

Применительно к крупным сделкам отметим, что согласно ст. 78 Закона об акционерных обществах совет директоров (наблюдательный совет) акционерного общества должен утвердить заключение о крупной сделке, которое включается в информацию (материалы), предоставляемую акционерам при подготовке к проведению общего собрания акционеров общества, на котором рассматривается вопрос о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки. Учитывая то, что никаких изъятий для случаев предоставления информации в рамках ст. 52 и 78 Закона об акционерных обществах в ст. 92.2 этого же закона не делается, можно сделать вывод: акционерное общество могло воспользоваться ст. 92.2 и постановлением Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10, и не предоставлять (или предоставлять ограниченно) в материалах к общему собранию информацию о крупной сделке, подпадающей под один из «случаев», указанных в постановлении Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10.

Однако, решив проблему в одном месте, законодатель не учел другого: согласно ст. 79 Закона об акционерных обществах в решении о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки должны быть указаны лицо (лица), являющиеся стороной (сторонами) такой сделки, выгодоприобретателем (выгодоприобретателями), цена, предмет крупной сделки и иные ее существенные условия или порядок их определения; в решении о согласии на совершение крупной сделки могут не указываться сторона сделки и выгодоприобретатель, если сделка заключается на торгах, а также в иных случаях, если сторона такой сделки и выгодоприобретатель не могут быть определены к моменту получения согласия на совершение такой сделки. Таким образом, «скрыв» соответствующие данные через один механизм, акционерное общество их было обязано «открыть» (пусть и частично) через другой механизм.

Применительно к сделкам с заинтересованностью, ситуация выглядит следующим образом. «Случаи», установленные постановлением Правительства РФ от 15 января 2018 г. № 10, позволяют либо не применять положение ст. 81 Закона об акционерных обществах о том, что при подготовке к проведению годового общего собрания акционеров публичного общества лицам, имеющим право на участие в годовом общем собрании акционеров, должен быть предоставлен отчет о заключенных обществом в отчетном году сделках, в совершении которых имеется заинтересованность, либо применять его с изъятием части

информации. Однако также как и в случае с крупными сделками имеется явный разрыв с положениями ст. 83 Закона об акционерных обществах в части требований к содержанию решения об одобрении сделки. При этом «случаи» не покрывали п. 4 ст. 82 Закона об акционерных обществах, в силу использования иной терминологии – там идет речь о «доведении» информации, а не о ее предоставлении.

Строго говоря, законодателю надо было определять не только «случаи», когда информация о сделках не предоставляется или предоставляется в ограниченном виде, но и вводить соответствующее регулирование в специальные статьи, посвященные регулированию крупных сделок и сделок с заинтересованностью, чего сделано не было.

При ответе на поставленный вопрос, с нашей точки зрения, необходимо учитывать правила толкования норм права, выработанные в доктрине отечественного права.

Буквальное, грамматическое толкование показывает, что акционерное общество могло воспользоваться механизмом ст. 92.2 Закона об акционерных обществах для всех случаев предоставления информации, установленных этим законом. В поддержку таких результатов толкования указывает и то, что никаких изменений в нормы Закона об акционерных обществах в части предоставления информации при подготовке к проведению общего собрания акционеров не вносилось.

Интересно, что результаты систематического толкования будут иными. Здесь важно обратить внимание на то, в какую часть Закона об акционерных обществах были внесены положения об освобождении от предоставления информации в – главу XIII, после положений ст. 91 закона. Как мы уже выше отметили, структура и содержание норм Закона об акционерных обществах таковы, что положения о предоставлении информации при подготовке к проведению общего собрания акционеров (а равно и некоторых иных специальных случаев) *никак не связаны* с предоставлением информации, которое регулируется ст. 91 Закона об акционерных обществах. Следовательно, можно предположить, что в ст. 92.2 Закона об акционерных обществах речь идет о возможности ограничения в предоставлении той информации, которая указана в ст. 91 этого же закона и ст. 92.2 Закона об акционерных обществах не касается вопросов предоставления информации при подготовке к общему собранию акционеров.

Однако такое толкование, как думается, вступает в противоречие с целями введения нового регу-

лирования, а именно защитой суверенитета и обеспечения безопасности; и здесь мы уже говорим о телеологическом толковании. Как думается, приоритет этих конституционных ценностей следует учитывать при окончательном ответе на поставленный вопрос, а все сомнения должны толковаться здесь в пользу достижения этой основной цели. Соответственно, акционерное общество могло воспользоваться механизмом ст. 92.2 Закона об акционерных обществах для всех случаев предоставления информации, установленных Законом об акционерных обществах.

Такие результаты толкования, на самом деле, влекут различные выводы относительно разных частей механизма освобождения акционерного общества от обязанности предоставлять информацию:

– если речь идет о *непредоставлении информации*, касающейся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, то возникает сомнение о соответствии этого правила конституционным принципам и нормам, ведь полное лишение акционеров информации при подготовке к проведению к общему собранию, на котором должно приниматься соответствующее решение, создает препятствия для осуществления акционерами права управления акционерным обществом (по существу – речь идет едва ли о лишении акционеров права на управление). Здесь нельзя не отметить явный разрыв, который обозначился не только с основными идеями и правами акционеров, положенных в основу нашего законодательства об акционерных обществах, но и с требованиями государства, выраженными в формально не обязательных (мягких) нормах. Так, Кодекс корпоративного управления (письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463) указывает, что «в ходе подготовки и проведения общего собрания акционеры должны иметь возможность беспрепятственно и своевременно получать информацию о собрании и материалы к нему...» (п. 1.1.3 Части А);

– если речь идет о праве осуществлять предоставление информации, касающейся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, *в ограниченных составе и (или) объеме*, обусловленном защитой акционер-

ного общества и его контрагентов от риска распространения на них санкций, то такое правовое средство в полной мере соответствует конституционным принципам и нормам (даже при всех отмеченных проблемах юридико-технического характера).

В 2018 г. институт освобождения акционерного общества от предоставления информации акционерам в ст. 92.2 Закона об акционерных обществах подвергся существенной реновации после изменений, внесенных Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 514-ФЗ. Данным законом ст. 92.2 Закона об акционерных обществах была изложена в новой редакции. Изменилось и ее название (теперь она называлась (это название сохранилось и в настоящее время) «Освобождение от обязанности раскрывать и (или) предоставлять отдельную информацию»), изменилось и содержание: Правительство РФ получило право определить: *случаи*, в которых общество вправе осуществлять раскрытие и (или) предоставление информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Закона об акционерных обществах, в ограниченных составе и (или) объеме; *перечень* информации, которую общество вправе не раскрывать и (или) не предоставлять; *лиц*, информация о которых может не раскрываться и (или) не предоставляться.

Статьей был установлен механизм уведомления регулятора о раскрытии и (или) предоставлении в ограниченных составе и (или) объеме информации: акционерное общество обязано направить в Банк России уведомление (по установленной форме⁸), содержащее информацию, которая не раскрывается и (или) не предоставляется, в сроки, установленные для ее раскрытия и (или) предоставления.

В развитие этого положения, а также п. 6 ст. 30.1 Закона о рынке ценных бумаг было принято постановление Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400, в котором: 1) акционерное общество (в тексте использован иное понятие – «эмитент») получило право осуществлять предоставление информации в ограниченных составе и (или) объеме в установленных случаях «вне зависимости от целей и формы... предоставления информации»; 2) был установлен новый перечень «случаев»⁹; 3) был определен специальный (в виде отдельного приложения к документу) Перечень ин-

⁸ В настоящее время установлена Указанием Банка России от 21 марта 2019 г. № 5096-У «О форме и порядке направления эмитентами в Банк России уведомления, содержащего информацию, которая не раскрывается и (или) не предоставляется».

⁹ А именно (при описании мы используем ранее введенное в статье сокращение «санкции», а также опустим все фрагменты, касающиеся раскрытия информации): 1) если предоставление эмитентом информации о лице, в отношении ко-

формации, которую эмитенты ценных бумаг вправе не раскрывать и (или) не предоставлять, а также лиц, информация о которых может не раскрываться и (или) не предоставляться (далее – Перечень информации), включающий 18 позиций:

Анализ положений обновленной ст. 92.2 Закона об акционерных обществах и принятого в ее развитие постановления Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400 дает основание для следующих выводов.

Во-первых, законодатель довольно радикально изменил подход к формулировке самого права акционерного общества – альтернатива была исключена – акционерное общество получило право осуществлять предоставление информации в ограниченных составе и (или) объеме; т. е., *возможность полного отказа от предоставления информации (даже ограниченной указанием на определенные ее виды) была исключена*. Такое решение следует признать правильным, основанным на балансе интересов акционеров, интересов акционерных обществ и публичных интересах. Это изменение должно было привести к изменению названия статьи, поскольку ни о каком «освобождении» речи уже не идет. Этот момент – диссонанс названия статьи и ее содержания – скорректирован не был.

Во-вторых, из Закона об акционерных обществах было исключено указание на виды информации, которая могла не предоставляться; теперь Перечень информации устанавливается подзаконным актом, что дает возможность оперативно его менять.

В-третьих, описание «случаев» сделано в подзаконном акте, общем для реализации положений об освобождении от раскрытия (предоставления), указанных в Законе о рынке ценных бумаг и для реализации аналогичных положений Закона об акционерных обществах. Такой подход, с нашей точки зрения, является *абсолютно дефектным*, поскольку не учитывает специфику юридико-технических прие-

мов указания случаев предоставления информации в Законе об акционерных обществах, отмеченную выше (наличие общего правила (ст. 91), которое в реальности общим не является, и целого ряда частных случаев предоставления информации (ст. 51, 52, 62, 76, 78, 81, 84 и др.)). В результате получилось (это хорошо видно по содержанию перечня информации), что *постановление Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400 главным образом рассчитано на реализацию именно норм Закона о рынке ценных бумаг*, но не Закона об акционерных обществах. Надо было, очевидно, делать специальный документ для реализации каждого закона для учета соответствующей специфики.

В результате, мы опять вынуждены поставить вопрос: *на какие реально случаи* распространяется право акционерного общества, предусмотренное обновленной ст. 92.2 Закона об акционерных обществах с учетом описания «случаев», данных в постановления Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 400? С одной стороны, как мы уже отметили, в подзаконном акте появилось правило об «освобождении» от предоставления информации «вне зависимости от целей и формы... предоставления информации». То есть, можно предположить, что ответ на вопрос теперь дан однозначно: на все случаи, которые указаны в Законе об акционерных обществах, в том числе и случаи подготовки к проведению общего собрания акционеров. Однако при таком подходе вновь появляется вопрос о том, как соотносится данное право акционерного общества с правом акционеров на осуществление управления этим обществом в форме участия в общем собрании голосования в нем, ведь соответствующая информация необходима для принятия решения? Этот вопрос в рамках действующего регулирования ответа не имеет, что нельзя признать правильным, поскольку речь идет о базовых принципах (права акционера), на ко-

торого действуют санкции, приведут (могут привести) к введению мер ограничительного характера в отношении эмитента и (или) иных лиц, в том числе к введению новых санкций в отношении лица, о котором эмитентом предоставляется информация; 2) если в отношении эмитента действуют санкции; 3) если эмитент является кредитной организацией, отнесенной к категории уполномоченных банков в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон о государственном оборонном заказе); 4) если предоставление эмитентом информации должно быть осуществлено в отношении кредитной организации, отнесенной к ка-

тегории уполномоченных банков в соответствии с Законом о государственном оборонном заказе; 5) если предоставление эмитентом информации должно быть осуществлено в отношении сделки, связанной с выполнением государственного оборонного заказа и реализацией военно-технического сотрудничества; 6) если эмитентом должно быть осуществлено предоставление информации о лице, являющемся работником или членом органов управления лица, в отношении которого действуют меры ограничительного характера, или кредитной организации, отнесенной к категории уполномоченных банков в соответствии с Законом о государственном оборонном заказе.

торых построено все здание действующего законодательства об акционерных обществах.

В-четвертых, нельзя не отметить, что подзаконный акт вновь не устанавливает списка лиц, информация о которых может не предоставляться; по существу, этих «лиц» (само акционерное общество в них не входит, оно а priori является субъектом, использующим право освобождения от предоставления информации) опять надо «вычислять», толкуя описание «случаев» и Перечня информации.

В-пятых, как хорошо заметно, количество «случаев», указанных в подзаконном акте, значительно выросло, однако формулировки части «случаев» как были, так и остались неопределенными.

4. Выводы и предложения

Отметим следующие важные итоги проведенного исследования.

При создании законодательства об акционерных обществах в середине 1990–х гг. вопросу описания права акционера на получение информации о деятельности акционерного общества в силу разных причин не было уделено достаточного внимания; это право не было определенно установлено законом, его содержание; в Законе об акционерных обществах это право было «встроено» в обязанность акционерного общества предоставить информацию. Формулировка этой обязанности также не была сколь-нибудь конкретной, но что самое важное, – в законе не было стройной системы норм о предоставлении информации. До 2017 г. эти проблема себя не проявляли, однако после внесения изменений в закон в части освобождения от обязанности предоставить информацию, она стала критичной. К сожалению, эта проблема не решена и поныне, что самым серьезным образом сказывается на правах акционеров акционерных обществ, использующих российские антисанкционные нормы, создает неопределенность в правах и обязанностях субъектов корпоративных отношений.

Отсутствие тщательного регулирования вопросов реализации акционером своего права на получение информации и обязанности акционерного общества ее предоставить привели к целой череде изменений Закона об акционерных обществах, инициаторы которых сосредоточились на положениях ст. 91 этого закона. Такая однобокость привела к внутренним противоречиям и наличию дублирующих поло-

жений в самом Законе об акционерных обществах. К примеру, ст. 91 Закона об акционерных обществах указывает, что акционерное общество обязано «обеспечить акционерам доступ по их требованию» к уставу общества; для этого случая п. 11 этой статьи предусматривает конкретный порядок и *семидневный срок*. При этом одновременно действует правило ст. 11 Закона об акционерных обществах о том, что по требованию акционера акционерное общество «обязано в *разумные сроки* предоставить им возможность ознакомиться с уставом общества». В результате многочисленных изменений ст. 91 Закона об акционерных обществах изначальная идея разработчиков этого закона о возможности ограничения в части предоставления определенной информации акционеру, реализованная в этой статье, трансформировалась – сначала в модель, основанную на дифференциации прав акционеров, доведенную Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ практически до полного лишения миноритарных акционеров возможности получить информацию, – а затем в модель освобождения от обязанности предоставить информацию. Можно однозначно констатировать, что все развитие Закона об акционерных обществах и весь поиск баланса интересов акционерного общества (его управленцев), мажоритарных и миноритарных акционеров свелся к постепенному и неуклонному сокращению возможностей (прав) акционеров на получение информации об акционерном обществе; в судебной практике данный тренд также нашел отражение¹⁰. Интересно, что такое развитие законодательства идет на фоне документов политико-правового, концептуального или рекомендательного характера (к примеру, Кодекс корпоративного управления), которые в части права акционера на информацию декларируют противоположные тренды развития (т. е., налицо явный разрыв между декларациями и конкретными подходами и средствами регулирования); в доктрине при этом единства в части подходов не наблюдается [9; 36; 37, с. 260–261; 38, с. 99–103 и др].

Положения Закона об акционерных обществах, регулирующие информационный обмен между акционером и акционерным обществом, в целом несистемны и запутаны; при их формулировании используются различные правовые средства и понятия. Здесь требуются не просто точечные изменения в

¹⁰ См. п. 30 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.; определение Верховного Суда РФ от

10 июля 2018 г. № 307-АД18-976 по делу № А56-27290/2016 и другие акты.

статьи закона, а концептуальный подход по изменению регулирования информационного обмена между акционером и акционерным обществом с удалением из закона отживших институтов. Для чего, кстати, есть и еще один весомый повод – необходимость существенного изменения корпоративных отношений в связи с принятием ограничительных мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции.

Развитие института освобождения акционерного общества от обязанности предоставления информации в Законе об акционерных обществах находится только в начале пути. Само название этого института не соответствует содержанию регулирования: в реальности речь идет о развитии изначальной идеи Закона об акционерных обществах о возможности ограничения в доступе акционеров к определенной информации. Только логика ограничений здесь основана не на корпоративном контроле (чем выше размер участия – тем больше возможностей по получению информации и обратно). Этот институт, как мы показали в работе, требует полной реновации, поскольку в существующем виде он: либо не регулирует

информационный обмен между акционером и акционерным обществом вообще (ст. 92.1 Закона об акционерных обществах), а потому этим нормам не место в этом законе, либо, реализуя правильные цели и политико-правовые установки (противодействие санкционному давлению), содержит нормы неопределенные, часть из которых (при известном толковании) едва ли не подрывает сами основы законодательства об акционерных обществах (в части реализации права акционеров на управление).

Подводя итог, отметим, что для дальнейшего развития нормального корпоративного управления в России, описываемые недостатки должны быть устранены. Подчеркнем, идеальным был бы системный подход с разработкой концепции, в которой следует оговорить все развилки, альтернативы и направления регулирования, с приложением конкретного плана изменений. Такой подход оптимален, хотя, как показывает опыт реализации Концепции развития гражданского законодательства в части юридических лиц, он вовсе не гарантирует от существенного расхождения идей и полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Е.В. Злоупотребление правом акционера на получение информации об акционерном обществе / Е.В. Иванова // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4(14). – С. 163–178.
2. Барабанщиков В.Н. Проблемы реализации и защиты прав акционера на информацию / В.Н. Барабанщиков // Журнал правовых и экономических исследований. – 2008. – № 1. – С. 34–42.
3. Поваров Ю.С. Акционерное право России: учебник / Ю.С. Поваров. – М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009. – 660 с.
4. Двойченкова И.В. Право акционеров на информацию о деятельности общества / И.В. Двойченкова // Предпринимательское право. – 2016. – № 1. – С. 32–39.
5. Вавулин Д.А. Раскрытие информации акционерными обществами / Д.А. Вавулин. – М.: Юстицинформ, 2012. – 184 с.
6. Шевченко О.М. Предоставление и раскрытие информации акционерным обществом в связи с проведением общего собрания акционеров / О.М. Шевченко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 12. – С. 33–40.
7. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В. Ломакин. – М.: Статут, 2008. – 511 с.
8. Безпрозванный В.И. Правовой механизм предоставления акционерам информации о деятельности акционерного общества, участниками которого они являются: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Безпрозванный. – М., 2012. – 23 с.
9. Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменение подхода законодателя / Д.В. Ломакин // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 31–40.
10. Ломакин Д.В. Право акционера на информацию / Д.В. Ломакин // Хозяйство и право. – 1997. – № 11. – С. 162–171.
11. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ (Акционерное право): учебное пособие / под ред. Е.П. Губина. – М.: Зерцало, 1999. – 256 с.

12. Лаптев В.В. Акционерное право / В.В. Лаптев. – М.: Юридическая фирма «Контракт»; ИНФРА-М, 1999. – 254 с.
13. Макарова О.А. Корпоративное право: учебник / О.А. Макарова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
14. Шевченко Г.Н. Акция как корпоративная ценная бумага / Г.Н. Шевченко // Журнал российского права. – 2005. – №1 (97). – С. 37–46.
15. Долинская В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / В.В. Долинская, В.В. Фалеев. – М.: Вотерс Клувер, 2010. – 240 с.
16. Кузнецов А. Предоставление информации по требованию акционера / А. Кузнецов // Хозяйство и право. – 2010. – № 3. – С. 84–96.
17. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А.В. Габов. – М.: Статут, 2011. – 1104 с.
18. Макарова О.А. Право акционеров на информацию / Макарова О.А. Макарова // Юрист. – 2012. – № 8. – С. 13–17.
19. Рубеко Г.Л. Акционерное право: учебное пособие / Г.Л. Рубеко. – М.: Статут, 2012. – 189 с.
20. Крохина М.С. Право акционера на информацию: реализация и злоупотребление / М.С. Крохина // Право и экономика. – 2015. – № 7. – С. 59–66.
21. Филиппова С.Ю. Право на информацию о деятельности акционерного общества и его защита / С.Ю. Филиппова // Хозяйство и право. – 2017. – № 5(484). – С. 22–39.
22. Гентовт О.И. Ограничение прав как средство сохранения баланса интересов на примере права акционера на информацию / О.И. Гентовт // Предпринимательское право. – 2019. – № 1. – С. 31–38.
23. Губин П.Е. Право на информацию и обязанность по ее предоставлению как элементы правового статуса субъекта предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Е. Губин. – М., 2004. – 25 с.
24. Оленева А.Н. Правовое регулирование отношений акционера и общества – эмитента в связи с раскрытием информации / А.Н. Оленева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 1. – С. 105–119.
25. Романова Э.М. Право акционера на информацию по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.М. Романова. – М., 2008. – 28 с.
26. Руднев П.А. Анализ прав и обязанностей акционеров / П.А. Руднев. – М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 42 с.
27. Клепач А. Корпоративное управление в России в 1995–1996 гг. (от предприятия советского типа к фирме, контролируемой менеджерами) / А. Клепач, П. Кузнецов, П. Крючкова // Вопросы экономики. – 1996. – № 2. – С. 73–87.
28. Корпоративное управление в современной России: опыт и перспективы. – М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2007. – 92 с.
29. Блэк Б. Комментарий Федерального закона «Об акционерных обществах» / Б. Блэк, Р. Крэкман, А. Тарасова. – М.: Лабиринт, 1999. – 702 с.
30. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях / И.Т. Тарасов. – М.: Статут, 2000. – 666 с.
31. Макарова О.А. Право акционера на информацию: новое в порядке реализации / О.А. Макарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 11. – С. 52–55.
32. Ломакин Д.В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования / Д.В. Ломакин // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 2. – С. 28–34.
33. Мартюшев С.М. Требования регулятора и инвесторов повышают информационную прозрачность российских компаний / С.М. Мартюшев, Д.Н. Оленьков // Национальный доклад по корпоративному управлению. – Вып. IV. – М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2011. – 230 с. – URL: <https://www.edisclosure.ru/PortalContent/InfoMaterial/164> (дата обращения: 01.07.2020).
34. Габов А.В. Практические аспекты ограничения раскрытия информации (доступа к информации) в отношении единоличного исполнительного органа юридического лица в соответствии с российскими антисанкционными нормами / А.В. Габов // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. – 2020. – № 3. – С. 70–77.
35. Габов А.В. Институт крупной сделки в российском праве: основные этапы, тенденции и перспективы развития / А.В. Габов // Предпринимательское право. – 2018. – № 3. – С. 3–30.
36. Степанов Д.В. Право акционера на информацию / Д.В. Степанов, А.В. Кузнецов // Журнал «Закон». – 2011. – № 7. – С. 97–108.

37. Ловырев Д. Основные проблемы защиты прав миноритарных акционеров в российских компаниях / Д. Ловырев // Национальный доклад по корпоративному управлению. – Вып. VI. – М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2013. – 320 с.

38. Варварин А. Совершенствование корпоративного законодательства: взгляд бизнеса / А. Варварин // Национальный доклад по корпоративному управлению. – Вып. IX. – М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2017. – 288 с.

REFERENCES

1. Ivanova E.V. Abuse of the right of a shareholder to receive information about a joint-stock company. *Leninogradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2008, no. 4, pp. 163–178. (In Russ.).

2. Barabanshchikov V.N. Problems of implementation and protection of shareholder rights to information. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij = Journal of Legal and Economic Studies*, 2008, no. 1, pp. 34–42. (In Russ.).

3. Povarov Yu.S. *Joint-stock law of Russia: textbook*. Moscow, Vyshee obrazovanie; Yurayt-Izdat, 2009. 660 p. (In Russ.).

4. Dvoichenkova I.V. The right of shareholders to information about the company's activities. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2016, no. 1, pp. 32–39. (In Russ.).

5. Vavulin D.A. *Disclosure of information by joint-stock companies*. Moscow, Justicinform Publ., 2012. 184 p. (In Russ.).

6. Shevchenko O.M. Provision and disclosure of information by a joint-stock company in connection with the general meeting of shareholders. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika*, 2013, no. 12, pp. 33–40. (In Russ.).

7. Lomakin D.V. *Corporate legal relations: General theory and practice of its application in business companies*. Moscow, Statut Publ., 2008, 511 p. (In Russ.).

8. Bezprozvanniy V.I. *Legal mechanism for providing shareholders with information about the activities of a joint-stock company in which they are participants*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 23 p. (In Russ.).

9. Lomakin D.V. The right of a shareholder to information: changing the approach of a legislator. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, Vol. 4, no. 3, pp. 31–40. (In Russ.).

10. Lomakin D.V. The right of a shareholder to information. *Hozyajstvo i pravo = Business and law*, 1997, no. 11, pp. 162–171. (In Russ.).

11. Gubin E.P. (ed.). *Legal regulation of joint-stock companies (law of associations)*. Moscow, Zertsalo Publ., 1999. 256 p. (In Russ.).

12. Laptev V.V. *Law of associations*. Moscow, Contract Publ.; INFRA-M Publ., 1999. 254 p. (In Russ.).

13. Makarova O.A. *Corporate law: textbook*. Moscow, Wolters Kluwer, 2005. 432 p. (In Russ.).

14. Shevchenko G.N. Stock as a corporate security. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law*, 2005, no. 1 (97), pp. 37–46. (In Russ.).

15. Dolinskaya V.V., Faleev V.V. *Minority shareholders: status, rights and their implementation*. Moscow, Wolters Kluwer, 2010. 240 p. (In Russ.).

16. Kuznetsov A. Providing information at the request of a shareholder. *Hozyajstvo i pravo = Business and law*, 2010, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.).

17. Gabov A.V. *Securities: questions of theory and legal regulation of the market*. Moscow, Statut Publ., 2011. 1104 p. (In Russ.).

18. Makarova O.A. *The right of shareholders to information*. *Jurist*, 2012, no. 8, pp.13–17. (In Russ.).

19. Rubeko G.L. *Law of associations*. Moscow, Statut Publ., 2012. 189 p. (In Russ.).

20. Krokhnina M.S. Shareholder's right to information: implementation and abuse. *Pravo i ekonomika*, 2015, no. 7, pp. 59–66. (In Russ.).

21. Filippova S.Yu. The right to information about the activities of a joint-stock company and its protection. *Hozyajstvo i pravo = Business and law*, 2017, no. 5, pp. 22–39. (In Russ.).

22. Gentovt O.I. Restriction of rights as a means of preserving the balance of interests on the example of a shareholder's right to information. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2019, no. 1, pp. 31–38. (In Russ.).

23. Gubin P.E. *The right to information and the obligation to provide it as elements of the legal status of a business entity*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.).
24. Oleneva A.N. Legal regulation of relations between the shareholder and the company in connection with disclosure of information. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2014, no. 1, pp. 105–119. (In Russ.).
25. Romanova E.M. The right of a shareholder to information on Russian legislation. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 28 p. (In Russ.).
26. Rudnev P.A. *Analysis of the rights and obligations of shareholders*. Moscow, Narkomyust RSFSR Publ. 1927. 42 p. (In Russ.).
27. Klepach A., Kuznetsov P., Kryuchkova P. Corporate governance in Russia in 1995-1996 (from a Soviet-type enterprise to a firm controlled by managers). *Voprosy ekonomiki*, 1996. no. 2, pp. 73–87. (In Russ.).
28. Radaev V.V. *Corporate governance in modern Russia: experience and prospects*. Moscow, National Council for corporate governance, 2007. 92 p. (In Russ.).
29. Black B., Kraakman R., Tarasova A. *Guide to the Russian Law on Joint Stock Companies*. Moscow, Labyrinth Publ., 1999. 720 p. (In Russ.).
30. Tarasov I.T. *The doctrine of joint-stock companies*. Moscow, Statut Publ., 2000. 666 p. (In Russ.).
31. Makarova O.A. The right of a shareholder to information: new issues in the order of implementation. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika*, 2017, no. 11. pp. 52–55. (In Russ.).
32. Lomakin D.V. Corporate rights of participants in business companies: current problems and prospects of regulation. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes" = Entrepreneurial law. Law and Business*, 2018, no. 2, pp. 28–34. (In Russ.).
33. Martyushev S.M., Olenkov D.N. *Requirements of the regulator and investors increase the information transparency of Russian companies*, in: Porshakov S. (ed.) *National report on corporate governance. Issue IV*. Moscow, National Council for corporate governance, 2011. 230 p. Available at: URL: <https://www.edisclosure.ru/PortalContent/InfoMaterial/164> (accessed on 01.07.2020). (In Russ.).
34. Gabov A.V. Practical aspects of restricting information disclosure (access to information) in relation to the sole executive body of a legal entity in accordance with Russian anti-sanctions regulations. *Oboronno-promyshlennyj kompleks: voprosy prava*, 2020, no. 3, pp. 70–77. (In Russ.).
35. Gabov A.V. Institute of major transactions in Russian law: main stages, trends and prospects of development. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2018, no. 3, pp. 3–30. (In Russ.).
36. Stepanov D.V., Kuznetsov A.V. The right of a shareholder to information. *Zakon*, 2011, no.7. pp. 97–108. (In Russ.).
37. Lovyrev D. *The main problems of protecting the rights of minority shareholders in Russian companies*, in: Porshakov S. (ed.) *National report on corporate governance. Issue VI*. Moscow, National Council for corporate governance, 2013. 320 p. (In Russ.).
38. Varvarin A. *Improvement of corporate legislation: business view*, in: Porshakov S. (ed.) *National report on corporate governance. Issue IX*. Moscow, National Council for corporate governance, 2017. 288 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Габов Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, Почетный доктор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; ¹ главный научный сотрудник; ² научный руководитель Юридического института

¹ *Институт государства и права Российской академии наук*

² *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

¹ 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

² 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey V. Gabov – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Honorary doctor of Dostoevsky Omsk State University; ¹ Chief researcher; ² Scientific Director of the Law Institute

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*

² *Belgorod State National Research University*

¹ 10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia

² 85, Pobedy ul., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: andrey.gabov.00@mail.ru

RSCI AuthorID: 292511

E-mail: andrey.gabov.00@mail.ru
РИНЦ AuthorID: 292511
IstinaResearcherID (IRID): 1224554
ORCID: 0000-0003-3661-9174
ResearcherID: Q-9357-2017

IstinaResearcherID (IRID): 1224554
ORCID: 0000-0003-3661-9174
ResearcherID: Q-9357-2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Габов А.В. Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру / А.В. Габов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 103–122. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).103-122.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gabov A.V. Exemption of a joint stock company from the obligation to provide information to a shareholder. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 103–122. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).103-122. (In Russ.).